

УДК 81'373.612.2

Кураш Сергей Борисович

Мозырский государственный педагогический университет

имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь)

s.kurash0611@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ПАРАДОКСАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА МЕТАФОРЫ И МЕТАФОРОТВОРЧЕСТВА

Метафора традиционно рассматривается как ёмкий и сложный, семиотически амбивалентный, парадоксальный феномен, оцениваемый в диапазоне от важнейшего механизма мыследеятельности и образотворчества до поэтического изыска, словесной виньетки; от ба-

зового способа представления научного знания до орудия введения в заблуждение. На это указывалось и в философской традиции, это же отмечали сами писатели и поэты.

Ключевые слова: метафора, мыследеятельность, амбивалентность

Metaphor is traditionally considered as a capacious and complex, semiotically ambivalent, paradoxical phenomenon ranging from the most important mechanism of mental activity and image-making, in particular, to poetic sophistication, a verbal vignette; from the basic way of representing scientific knowledge to a tool of deception. This was pointed out in the philosophical tradition, as well as by the writers and poets themselves.

Keywords: metaphor, mental activity, ambivalence

В концептуальном пространстве любого типа дискурса (научного, художественного, религиозного, политического, бытового и пр.) существуют свои «вечные темы». Есть такая «вечная тема» и в истории метафорологических учений. Это вопрос о пользе vs. вреде метафоры, обнажающий суть её парадоксального характера.

Известно, что в разные времена в рамках различных методологических парадигм метафора оценивалась по-разному: кем-то поощрялась (например, Аристотелем, одним из первых предложившим свою трактовку метафоры; или Ф. Ницше; или У. Эко и т.д.), а кем-то отвергалась. В частности, Т. Гоббс называл метафоры «блуждающими огнями», двусмысленными и бессмысленными словами и говорил, что использовать их – значит «бродить среди бесчисленных нелепостей». (Заметим: свои «претензии» к метафоре Гоббс оформляет не иначе как ... метафорически (!)). Так же негативно отзывался о метафоре Дж. Локк, говоря об образном словоупотреблении, что оно «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман... И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми» [1, с. 10–11].

Ещё один характерный случай описывает известный специалист в области лингвометафорологии профессор В.Д. Старичёнок. «Неординарно трактует метафору Пимен Панченко. В дневниковой записи от 6 сентября 1972 г., сделанной скорее всего под воздействием болезни и больничной койки, автор называет метафору «жалкім падманам», «антыментальным глупствам» и считает, что образный мир могут представлять только высокие символы и реальная материя: «Метафар убогі зброд – “пацалунак слова”, “дакраніся да зоркі” – гэта жалкі падман, антыментальнае глупства. Толькі рэальная матэрыя і высокія сімвалы маюць права на існаванне. Гэта і ёсць вобразны свет, а мы займаемся яго падменай» [2, с. 11].

Аналогичные примеры могут быть продолжены [3, с. 138-147].

В то же время в современных учениях о метафоре можно уловить нотки абсолютизации метафоры как феномена языка и мышления: «То, что метафора – вездесущий принцип языка, подтверждается простым наблюдением. В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в кото-

рых не было бы метафоры. Даже в строгом языке точных наук можно обойтись без метафоры лишь ценой больших усилий» [4, с. 24].

Тем не менее некоторые дискурсивные барьеры для метафоры всё же имеются, на что указывает Н.Д. Арутюнова, говоря, в частности, о нехарактерности метафоры для обыденной речи, «убивающей» метафору, и для различных жанров делового дискурса (законов, приказов, уставов, резолюций, постановлений, правил поведения и безопасности, инструкций и т.д.), – т.е. метафоре почти нет места там, где «должно неукоснительно соблюдаться, выполняться и контролироваться», подлежать «точному и однозначному пониманию» [1, с. 7].

Но тот же автор (и ещё многие-многие другие) пишет о когнитивно-гносеологической функции метафоры в научном познании, иллюстрируя её, в частности, примером из области лингвистики: «Лингвистам хорошо известны метафоры, дающие ключ к пониманию природы языка и его единиц: биологическая концепция языка делала естественным его уподобление живому и развивающемуся организму, который рождается и умирает (ср. живые и мертвые языки); компаративисты предложили метафоры языковых семей и языкового родства (праязык возник по аналогии с прародителем); для структурного языкознания была ключевой метафора уровневой структуры; для генеративистов – метафора языка как порождающего устройства. Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию» [1, с. 15].

Тем не менее идея противопоставления метафоры и научного факта не исчезает из метаязыка науки, что, например, демонстрирует аннотация к монографии О.А. Корнилова, ср.: «В монографии предпринята попытка перевести понятие «языковая картина мира» из разряда красивых метафор в категорию научных терминов; рассматривается широкий круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве основного «строительного материала» «дома бытования» духа народа, что предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку» [5].

Приведённые наблюдения хотелось бы дополнить ещё одним, к слову, мало изученным моментом из области свидетельств в сторону pro vs. contra метафоры. Имеются в виду рефлексивные реакции на само понятие «метафора», фиксируемые в различных видах дискурса – от научного (литературоведческого, лингвистического, культурологического и др.) до художественного [3, с. 138–147].

Один из возможных способов убедиться в концептуальной значимости терминологемы *метафора* вне филологического дискурса на современном этапе – проанализировать отклики на формулы типа « N_1 как метафора», «*метафора* + N_2 », « N – это метафора» и « N – это не метафора» введённые в поисковые системы, а также в лексико-грамматический анализатор Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Вот только некоторые примеры, зафиксированные нами в первом десятке откликов: *город как метафора; мате-*

матика как метафора; Сребреница как метафора; Европа как метафора; дом как метафора; танец как метафора; имидж как метафора; философия как метафора; Петербург как метафора; физика как метафора и др.

Такие примеры можно многократно множить, но даже приведённых достаточно для прослеживания такой закономерности: позиция переменной внутри формулы «*N₁ как метафора*» обычно замещается номинациями тех понятий, которые способны отражать (моделировать) нечто (например, *танец, имидж, философия, физика*), либо моделироваться, наделяться в сознании носителей языка некой потенциальной концептуальной нагруженностью, что, в частности, характерно для пространственных объектов (*Сребреница, Европа, Петербург, дом*). По сути мы видим не что иное как синонимизацию **метафоры и знака**, что существенно продвигает рассматриваемый феномен вверх по «семиотической лестнице».

В примерах иного рода акцентируются другие смысловые множители анализируемого слова-концепта, ср.: *Свобода слова в известной степени — просто красивая метафора, наподобие “именин сердца” или “поступи эпохи”*. Здесь мы видим восприятие концепта «метафора» как словесной уловки (тех самых «блуждающих огней»), за что метафоре, как уже отмечалось выше, досталось в своё время немалое количество критических стрел.

Примерно в таком же ракурсе метафора рефлексивируется в контекстах, основанных на модели «*N – это не метафора*». Ср.: *Это не метафора, а довольно точно сфокусированное учение молодого философа; Выражение “любовная лихорадка”, таким образом, не метафора, а точный медицинский “диагноз”*.

Закончить хотелось бы тем, с чего мы начинали. Цитируем (в сокращении) известного поэта-шестидесятника Евг. Винокурова: *Моё мастерство, ты особого рода. / Нет, ты не метафора, ты не острота... / Подайте мне смысл! — для чего мне слова? / Моё мастерство избежать мастерства*. И у него же, но в другом произведении: *И в банном зале, там, где кафель, / В трамвае, в поле на стерне / Смысл восхитительных метафор / Вдруг как-то стал являться мне... / Метафора — и та вон тёлка. / И луг. И тополь. И дома. / И даже жизнь всего лишь только / Метафора. И смерть сама* (Е. Винокуров).

Таким образом, «метафора» — чрезвычайно ёмкий и сложный, семиотически амбивалентный, семантически подвижный, парадоксальный феномен. Но главное в любых рассуждениях о метафоре с позиций *pro & contra* — это изначально определиться с терминологией, т.е. с концептуальным наполнением данного слова, ведь, как можно было убедиться из приведённых примеров, нет МЕТАФОРЫ единой для всех и вся; есть МЕТАФОРА всякий раз разная — от важнейшего механизма мыследеятельности и образотворчества в частности до поэтического изыска, словесной виньетки; от базового способа представления научного знания до орудия введения в заблуждение. Пожалуй, в этом и заключается её главная тайна, которая ещё очень долго будет приковывать к себе внимание поэтов, философов, учёных...

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
2. Старычонак, В. Д. Метафора ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў / В. Д. Старычонак. – Мн. : БДПУ, 2007. – 190 с.
3. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
4. Ричардс, А. А. Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 44–67.
5. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.